

Едва забрезжил рассвет, Шэнь Чан Ань уже поднялся с постели и принялся наводить порядок в квартире. Всё должно быть идеально: ни пылинки, ни соринки, каждая вещь на своём месте. Одновременно он колдовал на кухне: в одной кастрюле что-то томилось на медленном огне, на разделочной доске ровными ломтиками лежали подготовленные овощи, в миске замачивались грибы. И надо же – именно в тот момент, когда руки были по локоть в муке, а на плите вовсю шипело масло, в дверь настойчиво постучали.

Он торопливо вытер руки о висевшее на плече полотенце, распахнул дверь и... замер на пороге. За дверью, в коридоре, на инвалидной коляске сидел Дао Нянь, а за его спиной, словно две капли воды похожие друг на друга, замерли два молодых человека с одинаково почтительными выражениями лиц.

– Дао Нянь? – выдохнул Шэнь Чан Ань, поражённый столь ранним визитом. Он-то думал, что гость пожалует ближе к обеду, а тут – пожалуйста, солнце только встало, а он уже здесь. – Заходи скорее, – спохватился он, отступая в глубь прихожей и широко распахивая дверь. – Прости, в нашем доме лифта нет, пришлось тебе, наверное, несладко.

– Нетрудно, – коротко ответил Дао Нянь, и его внимательный, чуть прищуренный взгляд заметил, как Шэнь Чан Ань на долю секунды бросил взгляд на наручные часы – машинально, рефлексивно, – но тут же подавил это движение, даже бровью не поведя. – Я слишком рано?

– Что ты, что ты, в самый раз! – горячо заверил его Шэнь Чан Ань, жестом приглашая проследовать в комнату. Он включил телевизор для фона, сходил в спальню и принёс оттуда свежий, пушистый плед, который бережно укрыл колени гостя. – Похолодало сегодня, с утра прямо мороз по коже, а у меня в доме нет центрального отопления, так что извини, прохладно.

В нос Дао Няню ударил аппетитный, дразнящий запах жареного мяса с пряностями. Его ноздри едва заметно дрогнули – единственное проявление эмоций на этом бесстрастном лице.

– Это из тех продуктов, что ты мне подарил, – пояснил Шэнь Чан Ань, перехватив его взгляд. – Мясо такое нежное, что грех было не приготовить что-нибудь особенное. Я нажарил целую тарелку хрустящих мясных кусочков в кляре, только что с плиты. Попробуешь? – он сходил на кухню и вынес оттуда блюдо с аккуратно вымытыми фруктами и тарелку, доверху наполненную золотистыми, аппетитно шипящими кусочками мяса. И только тут заметил, что двое молодых людей так и стоят на пороге, не решаясь войти. – Ребята, вы чего застыли? Проходите, не стесняйтесь, будьте как дома!

Юноши вежливо, но сдержанно улыбнулись ему в ответ и вопросительно уставились на Дао Няня, ожидая его решения.

– Они скоро уйдут, – бесстрастно произнёс Дао Нянь, аккуратно поддевая палочками один кусочек и отправляя его в рот. Он ел не так, как едят обычные люди – с аппетитом и удовольствием, – а скорее напоминал дегустатора, внимательно изучающего новое, неизвестное доселе блюдо.

- Совершенно верно, - с готовностью подтвердил один из юношей. - Наша задача была - доставить господина, и мы её выполнили. Сейчас мы удалимся.

- Может, останетесь на обед? - предложил Шэнь Чан Ань, окинув взглядом свои кулинарные приготовления. - Я наготовил столько, что нам с Дао Нянем вдвоём ни за что не съесть. Присоединяйтесь!

Оба юноши дружно, с какой-то даже синхронной поспешностью, замотали головами, бормоча что-то о неотложных делах и жуткой занятости. Видя, что они настроены решительно, Шэнь Чан Ань не стал настаивать и на прощание вручил каждому по коробочке с домашним печеньем, которое испёк ещё вчера.

- Не налегай так на жареное, - посоветовал он Дао Няню, пододвигая к нему фрукты. - Пить потом сильно захочется. Лучше заешь фруктами, чтобы сбалансировать вкус, - сам он, впрочем, не сел на диван рядом с гостем, а придвинул к его креслу маленький пуфик и устроился на нём, оказавшись заметно ниже Дао Няня. Ему было неизвестно, насколько болезненно тот воспринимает свою немощь, но такая позиция - снизу вверх - казалась ему психологически более безопасной для друга.

Перед его носом возникла небольшая, с ладонь, коробочка, искусно украшенная резьбой с изображением облаков удачи и инкрустированная блестящими камушками, которые, как подозревал Шэнь Чан Ань, могли оказаться настоящими драгоценностями.

- А это что? - удивился он, принимая подарок, и покосился на Дао Няня, который методично, кусочек за кусочком, уничтожал содержимое тарелки.

Неужели его стряпня и вправду настолько хороша? В прошлый раз, когда они вместе ели хого, Дао Нянь и палочками-то еле ворочал, равнодушно ковыряясь в бульоне. А тут - полтарелки уже умял, и останавливаться, похоже, не собирался.

Шэнь Чан Ань, не удержавшись, тоже запустил руку в Дао Няневу тарелку и отправил в рот кусочек. М-да, действительно, бесподобно: хрустящая корочка, сочное мясо внутри, аромат трав и специй. Пожалуй, это лучшее, что ему удавалось приготовить за последнее время.

Дао Нянь, кажется, слегка опешил от такой фамильярности - чтобы кто-то посмел есть из его личной тарелки! - и на пару секунд застыл с палочками на весу. Потом, впрочем, невозмутимо пояснил:

- Подарок при встрече (1).

Шэнь Чан Ань, как раз в этот момент поперхнувшийся от неожиданности, закашлялся так, что из глаз брызнули слёзы. Он колотил себя ладонью по груди, пытаясь отдышаться, а Дао Нянь лениво, но вполне ощутимо похлопал его по спине.

И – о чудо! – кашель мгновенно прекратился, дыхание выровнялось, словно и не было ничего. Шэнь Чан Ань, всё ещё держась за грудь, сдавленным голосом принялся объяснять:

– Дао Нянь... ты... ты вообще когда-нибудь ходил в гости к друзьям? Ну, в смысле, к обычным людям?

Дао Нянь молча ждал продолжения, не меняя позы.

– Подарок другу, когда идёшь просто так, в гости, называется "сувенир", "знак внимания", – терпеливо, словно ребёнку, разъяснял Шэнь Чан Ань, бережно прижимая к груди драгоценную коробочку. – А "подарок при встрече" – это... ну, это когда жених в первый раз идёт к родителям невесты, знакомиться. Понимаешь? Это особый термин, со своим особым смыслом.

– А, – понимающе протянул Дао Нянь и снова уткнулся в тарелку. Ему, в общем-то, было всё равно, как это называется. Подарок – он и есть подарок.

Шэнь Чан Ань, заметив, что гость снова погрузился в молчание, включил на телевизоре какое-то весёлое шоу и предложил:

– Ты пока посмотри, развлекайся, а я на кухню, надо за огнём проследить.

Дао Нянь в ответ лишь чуть моргнул длинными ресницами – дескать, услышал, можешь идти.

На кухне Шэнь Чан Ань первым делом снова уставился на коробочку. Слишком уж она была красивая, слишком изысканная, чтобы вот так просто взять и открыть. Но любопытство взяло верх. Он осторожно, боясь повредить резьбу, приподнял крышечку... и у него слегка подкосились ноги.

Внутри, на бархатной подложке, лежал золотой слиток в форме лодочки (2) – пухленький, круглобокий, размером с добрый кулак, и от него исходило такое густое, тёплое, завораживающее золотое сияние, что у Шэнь Чан Аня перехватило дыхание. Слиток был точь-в-точь как те, что держат в руках изображения бога богатства Цай Шэня (3), – символ благополучия и роскоши.

---

1. 见面礼 (shàngmén lǐ) – дословный перевод – подарок при встрече – в китайской традиции так называют подарок, который преподносят во время первого визита жениха в дом родителей невесты для официального знакомства. Это важный элемент свадебного этикета, символизирующий уважение и серьёзность намерений. В данном контексте Шэнь Чан Ань в шутку поясняет разницу между обычным подарком другу (随手礼, suíshǒu lǐ) и этим церемониальным подношением.

2. 金条 (jīn yuánbǎo) – золотой слиток в форме лодочки – традиционная форма китайских серебряных и золотых слитков, использовавшихся как деньги в Императорском Китае. В современной культуре это прежде всего мощный символ богатства, процветания и удачи. Является неизменным атрибутом изображений бога богатства Цай Шэня, а также популярным новогодним украшением и подарком, олицетворяющим пожелание финансового благополучия.

3. 财神 (cáishén) – Цай Шэнь – Бог Богатства. Китайский Бог процветания, которому поклоняются в китайской народной религии и даосизме. Изначально Бог Богатства был один, но впоследствии он превратился в нескольких. Это было вызвано разделением китайских чиновников на две группы: гражданских и военных. На народных картинах старались изображать обоих Цай Шэней: одного в одеянии сановника, а другого в одежде полководца. Считалось, что такая картина принесёт владельцу двойное богатство.

<http://bllate.org/book/16518/1504767>